

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 677–694, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.554

Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка

Самона Николаевна Курилова¹

Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies

Samona N. Kurilova¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677013 Якутск, Российская Федерация)

Ammosov North-Eastern Federal University, Arctic Linguistic Ecology Laboratory (42, Kulakovsky St., 677013 Yakutsk, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-0300-3771. E-mail: [samonakur\[at\]mail.ru](mailto:samonakur[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Курилова С. Н., 2025

© Kurilova S. N., 2025

Аннотация. Цель настоящего исследования — анализ лексики, обозначающей возрастные и гендерные категории в тундровых и лесных юкагирских идиомах, с точки зрения ее происхождения и семантического развития. Основное внимание в работе уделяется выявлению гетерогенности лексического состава, включая как исконные элементы, так и заимствования из чукотско-камчатских, уральских и русского языков. *Методологическую основу* составляет комплексный подход, объединяющий сравнительно-исторический анализ, семантическую реконструкцию и учет межъязыковых контактов. Исследование базируется на гипотезах о возможных связях юкагирского с уральскими, чукотско-камчатскими и другими языками. *Результаты.* Автор установил, что ранее не этимологизированная лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ в идиоме тундровых юкагиров имеет надежные параллели в чукотско-камчатских языках, что указывает на ее заимствованный характер. Особый интерес представляет этимологическое разграничение корней *пэл* ~ *пул*, где юкагирская лексема *пэлдудие* ~ *пулундие* ‘старик’ возводится к прачукотскому **pelqet*- ‘стариться’, тогда как *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’ рассматривается как рефлекс прауральского **pälä* ‘половина, сторона’. Важным аспектом исследования является анализ семантических сдвигов, в результате которых лексемы, обозначающие возрастные категории (*апаналаа*, *пэлдудие*), приобрели социальные значения (‘жена’, ‘муж’). Это явление системно отражает связь между возрастом и социальной ролью в традиционном юкагирском обществе. На основании проведенного анализа фокусная лексика стратифицируется на три группы: вероятные юкагино-уральские соответствия (*пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, *куойпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина’); поздние заимствования из камчукотских (*апаналаа* ‘старуха; жена’, *пэлдудие* ‘старик; муж’) и русского языков (*тэрикэ*

‘старуха; жена’); изолированные лексемы, реконструируемые внутри юкагирского (*лугэ- ~ лигэ-* ‘быть старым’, *паайнэ* ‘женщина’, *мирийэ ~ мидосьо* ‘кочевой караван; жена’). Результаты исследования вносят вклад в понимание языковых контактов и этнокультурной истории юкагириров, а также уточняют механизмы семантических изменений в условиях межъязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: юкагирский язык, уральские языки, чукотско-камчатские языки, эскимосский язык, лексика, лексические параллели, этимология, заимствования, семантика, верификация

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке в рамках проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (соглашение № 25-78-30006 от 22.05.2025).

Для цитирования: Курилова С.Н. Старик да старуха: к этимологии лексики юкагирского языка // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 3. С. 677–694. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

Abstract. Goals. The study attempts an insight into the lexicon denoting age and gender categories in Tundra and Forest Yukaghir idioms, focusing on their etymological origins and semantic development. Special attention is given to the heterogeneity of lexical composition, encompassing both native elements and borrowings from Chukchi-Kamchatkan, Uralic, and Russian languages. **Methods.** The methodological framework combines tools of comparative historical analysis, semantic reconstruction, and language contact research. The work is grounded on hypotheses suggesting potential connections between Yukaghir and Uralic, Chukchi-Kamchatkan and other languages. **Results.** The paper establishes that the previously unetymologized Tundra Yukaghir *апаналаа* ‘old woman; wife’ (from an idiom) displays reliable parallels in Chukchi-Kamchatkan languages indicating its borrowed status. Of particular interest is the etymological distinction between the roots *нэл ~ нул:* the Yukaghir *нэлдудизэ ~ нулдудизэ* ‘old man’ is traced back to the Chukchi-Kamchatkan **pelqet-* ‘to grow old (of objects)’, while *нэлур ~ нулут* ‘suitor; husband; old man’ is considered a reflex of the Uralic **pälä* ‘half; side’. A key aspect of the study is the analysis of semantic shifts whereby lexemes denoting age categories (*апаналаа, нэлдудизэ*) acquired social meanings (‘wife’, ‘husband’). This phenomenon systematically mirrors the connection between age and social roles in traditional Yukaghir society. Based on the analysis, the target lexicon is stratified into three groups: probable Yukaghir-Uralic correspondences (*нэлур ~ нулут* ‘suitor; husband; old man’, *куойнэ ~ куойнэ* ‘man’); late borrowings from Chukchi-Kamchatkan (*апаналаа* ‘old woman; wife’, *нэлдудизэ* ‘old man; husband’) and Russian (*тэрикэ* ‘old woman; wife’); isolated lexemes reconstructed within Yukaghir (*лугэ- ~ лигэ-* ‘to be old’, *паайнэ* ‘woman’, *мирийэ ~ мидосьо* ‘caravan; wife’). The findings contribute to the further understanding of language contacts and ethnocultural history of the Yukaghir, clarify mechanisms of semantic change in situations of cross-linguistic interaction.

Keywords: Yukaghir, Uralic, Chukchi-Kamchatkan, Eskimo, lexicon, lexical parallels, etymology, loanwords, semantics, verification.

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project name ‘Languages and Cultures of Russia’s North and Arctic: Comprehensive Socio-Humanitarian Studies (Big Data Analyses)’ (Agreement no. 25-78-30006 of 22 May 2025)

For citation: Kurilova S. N. Old Man and Old Woman: More on Yukaghir Lexical Etymologies. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 677–694. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-677-694

1. Введение

Многовековое сосуществование коренных народов северо-востока Евразии — чукчей, коряков, эскимосов, ительменов, юкагириров, эвенов и др. — на сравнительно небольшой территории привело к естествен-

ному взаимовлиянию их культур. В связи с тем, что до Октябрьской революции эти народы относились к бесписьменным, язык выступает единственным свидетельством их исторического прошлого. Одними из древнейших мигрантов и насельников данного

региона принято считать юкагиров, которые сегодня сохранились в виде двух локально проживающих групп — тундровые (вадулы) на Нижней Колыме и лесные (одулы) на Верхней Колыме (а также в Магаданской области и на Чукотке), из общей численности которых лишь 5 % являются носителями языка. Проблема происхождения юкагиров сложилась в отдельное направление в науке — «юкагирская проблема», для решения которой привлекаются данные из лингвистики, антропологии, этнографии, археологии, генетики. По археологическим данным, наиболее известна концепция, согласно которой предки юкагиров относятся к древнейшему этническому пласту на северо-востоке Сибири, а дальнейшее их продвижение на северо-восток (не позднее V тыс. до н. э.) и формирование как этноса на территории Якутии (II – середина I тыс. до н. э.) сводят с различными археологическими культурами (прибайкальский и палеосибирский субстрат) [Чернецов 1964: 11; Чернецов 1971: 114; Симченко 1975: 155; Симченко 1976: 31, 39, 46, 279; Кирьяк 1993: 126; Мочанов, Федосеева 1980: 11; Шадрин 2008: 201; и др.]. Таким образом происходило сложение этнического субстрата ымыхтахской культуры с вафельной и рубчатой керамикой (с преобладанием уральского субстрата). При этом северная группа этой культуры с таймырским субстратом оказала влияние на формирование древнеберингоморской культуры и культур Нортон и Ипиутак на Аляске. К середине I тыс. до н. э. – концу I тыс. н. э. участием южного прибайкальского субстрата завершается оформление древних юкагиров и их этнических черт. Древние юкагиры расселяются по всему северо-востоку Сибири, но оказываются вытесненными пришлыми тунгусскими племенами из Южной и Западной Якутии на восток (1-я половина I тыс. н. э. – концу I тыс. н. э.), а позднее часть юкагирских племен Центральной Якутии ассимилируется тюркскими племенами с юга (начало II тыс. н. э.), и здесь закладывается основа якутского этноса (середина II тыс. н. э.). На крайнем северо-востоке юкагиры также приняли участие в ассимиляционных процессах, приведших к формированию коряков (конец I тыс. н. э.).

Таким образом, юкагиры повлияли на этногенез эвенов, коряков, якутов и русских старожилов [Немировский 2017; Гребенюк, Федорченко 2018; Акимова и др. 2021].

Такие представления об этногенезе юкагиров находят подтверждение в этнографических и генетических исследованиях. Связь ымыхтахской культуры с праюкагирами в этнографической науке подтверждается исследованиями на основе сопоставления похоронной обрядности, фольклорных материалов, одежды, символики, типов хозяйствования [Этногенез народов Севера 1980: 144, 226]. В то время как генетики связывают юкагиров, с одной стороны, с коряками и палеоэскимосами на основании сходства варианта Y-хромосомы Q1a*-MEN2, вероятно маркирующего один из древних генетических компонентов, связанных с палеоэскимосами, но не ясно, каким путем оказавшийся среди юкагиров [Malyarchuk et al. 2011: 585], с другой — с нганасанами и эвенами на основании высокого содержания гаплогрупп Q и C3* Y-хромосомы, характерных популяции Америки и древнего населения Сибири эпохи верхнего палеолита [Fedorova et al. 2013: 127; см. также Перцев 2024: 58].

С позиции лингвистики исследователи предлагают генетически связывать юкагиров, с одной стороны, с уральскими, с другой — северо-восточными палеоазиатскими языками. В рамках уральской гипотезы сложились три подхода — обнаруживаемые лексические совпадения указывают на (1) происхождение уральских и юкагирского языков от общего родового языка-предка (распад около рубежа н. э.) [Крейнович 1982: 3–5; Николаева 1988: 3–21; Напольских 1999: 431; Напольских 2018: 121], (2) результат языковых контактов носителей [Крейнович 1982: 3; Rédei 1988: 354; Häkkinen 2012: 93; Aikio 2014: 7], и (3) переходную форму юкагирского от уральских к алтайским языкам [Collinder 1965: 140–153]. Согласно охотской гипотезе, языки юкагиров, чукчей, коряков и нивхов образуют отдельную гипотетическую семью (распад около 5 тыс. лет назад), родственную алгонкинской в Северной Америке, что подтверждается генетическими исследова-

ниями [Мудрак 2000; Байтасов 2014]. Поиск соответствий и заимствований в юкагирском из других языков [Крейнович 1958; Курилов 2003; Бурыкин 2003; Курилова 2014; Курилова 2022; Paasonen 1907; Tailleur 1959; Fortescue 1998; Piispanen 2018; и др.], попытки реконструкции праюкагирского языка [Nikolaeva 2006] и древнейших этапов истории и культуры юкагиров [Иохельсон 1900; Иохельсон 2005; Гурвич 1966; Кирьяк 1993; Эверстов 2008; Эверстов 2017; Гоголев 2004; Напольских 1991; Жукова 1996; Жукова 2003; Немировский 2017; и др.] — актуальное и перспективное направление для решения проблем этнической истории народов Сибири. Данная работа является существенным вкладом в решение «юкагирской проблемы», в которой впервые подробно анализируется и пересматривается статус некоторых лексических единиц базового словаря юкагирского языка с привлечением материала чукотского, корякского, алютторского, а также эскимосского языков.

2. Материалы и методы

В работе применяется комплексная методологическая база, включающая сравнительно-исторический метод, направленный на анализ реконструкций праформ в юкагирском и других палеоазиатских языках, предложенных в трудах других исследователей, сопоставительный анализ для выявления параллелей в родственных и контактировавших языках, а также компонентный анализ для определения семантических сдвигов. Используются этимологический анализ (включая методы внутренней реконструкции) и лексико-семантический анализ для выявления закономерностей развития значений. Привлекаются данные диалектологии и ареальной лингвистики, позволяющие проследить заимствования и субстратные влияния. Для интерпретации антропоцентрических номинаций применяется когнитивно-дискурсивный подход, учитывающий культурно-исторический контекст. Материал анализируется с опорой на корпусные методы (сбор и систематизацию лексических данных из опубликованных источников) и морфемный анализ для выявления словообразовательных моделей.

3. Результаты

В идиоме тундровых юкагиров лексема *апаналаа* ‘старуха; жена’ располагает типичным набором морфологических показателей для класса существительных. Данная лексическая единица входит в лексический фонд, тогда как в идиоме лесных юкагиров используется заимствование из русского языка с соответствующими ассимилятивными признаками:

– тю. *ápanaláá* ‘жена, старуха’ [Иохельсон 1900: 451; Иохельсон 2005: 168, 476, 488]; *apanalaa* ‘старуха, жена’; TD *apanala:* (< *apanəla: ~ *apanalaa) [Nikolaeva 2006: 111; ЭБДЮЯ 2002]; *a`panalā* ‘жена; старуха’ > *apanalāne-* ‘выходить замуж; жениться’ [Angere 1957: 23]; *апаналāн*, *апаналаа* ‘старуха’ [Крейнович 1958: 253, 271; Крейнович 1982: 10]; *апаналаа* ‘старуха; жена’ > *апаналааньэ-* ‘иметь жену’ [ЮРС 2001: 51]; *apanalā* ‘старуха; жена’ [Maslova 2001: 92];

– лю. *тари́ка*, *тери́ка* ‘старуха’ [Старчевский 1889: 435]; *тэ́рикэ* ‘старуха, жена (первая)’ (рус.) > *тэ́рикэн* ‘быть женатым’, *йу́куол тэ́рикэ* ‘вторая жена’ [Иохельсон 2005: 168, 465, 476, 488]; *terike* (рус. старуха) ‘старик, старуха, жена’ > *terikeduole-* ‘выйти замуж’, *terikeñ-* ‘жениться’, *terikeŋo-* ‘быть старой, пожилой женщиной’, *terikešnu-* ‘состоящий в браке’ [Angere 1957: 235–236]; *terikā* ‘жена; старуха’ < *terikəd-* ‘выйти замуж’, KD *terike* > *teriked-* ‘выйти замуж’, RS *terika*, *terikadéni*, *terike*, MC *saryka*, В *tarika* (< рус. старуха) [Nikolaeva 2006: 417]; *тэ́рикэ* ‘жена’ [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 14]; *terike* ‘старуха; жена’ (рус.) > *terikedeijl* ‘женился’ [Спиридонов 2003: 27]; *тэ́рикэ* ‘жена; старуха’ > *тэ́рикэди* ‘жениться’ [СЮРПЮ 2002: 70, 120]; *terike* ‘old woman; wife’ [Maslova 2003: 555]; *тэ́рикэ* ‘старуха; жена’ > *тэ́рикэнь-* ‘быть женатым’, *тэ́рикэ́т-* ‘жениться’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 290] (ср. фин. *tarikka* ‘старик’, таймыр. *тарик* ‘старик’ (по: [Михайлова 2018: 48])).

Фонологическая сторона слова *апаналаа*, исконный статус которой еще не пересматривался в работах со сравнительно-сопоставительным материалом по юкагирскому языку, характеризуется нетипичными для юкагирского языка признаками, заключающимися главным образом в многослож-

ности, из которой нет возможности вычлениить и дать объяснение значимой основе / основам или морфеме / морфемам. Однако обращение к материалам других палеоазиатских языков дает следующие параллели в камчукотских языках:

– чук. *ынпыуэв* [ЧРС 2003: 6], *ынпын'эв* 'старуха' [ЧРС 1957: 148];

– кор. *ынпыңэв* 'старуха' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];

– алют. *ынпыуав* 'старуха' [НРСАД 2019: 127].

Все эти обозначения пожилого человека женского пола восходят к корню *ынпы*, представляющему собой относительно продуктивную морфему и образующему слова для обозначения пожилого человека мужского пола, соответствующие вокативы, а также именные слова и словосочетания:

– чук. *ынпыначгын* п 'старик'; *ынпычыын* adj 'старший' > *ынпычычакагэт* 'старшая сестра', *ынпычыэжык* 'старший сын'; *ынпыльын* adj 'старый'; *ынпыгыргын* п 'возраст'; *ынпыэвык* v 'постареть' [ЧРС 2003: 6; ЧРС 1957: 148];

– кор. *ынпыулавол*, *ынпыклавол* 'старик'; *ынпын* вок. 'старик'; *ынпычг'ын* 'старший'; *нынпыуин*, *нынпывыччыуин* 'старческий'; *ынпылг'ын* 'взрослый'; *ынпычг'ын* 'старшина, старший'; *ынпыянво* 'старика, взрослое население'; *ынпыгыйуын* 'возраст, старость'; *ынпыэвык* 'стареть', *ынпыавык* 'стариться' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556];

– алют. *ынпыулавул* 'старик', *ынпын* вок. 'старик'; *ынпыыллыгын* 'дедушка'; *ынпысьын* 'старший'; *ынпыаккальэ* 'старика', *ынпыавык* 'стареть' [НРСАД 2019: 127].

Вышеприведенные композиты со значением 'старуха' и 'старик' в корякском и алюторском состоят из двух компонентов, где главные компоненты представлены корневыми морфемами, восходящими к ПЧК **ɲev*-*ət* 'женский', **ɲev*-(*ət*) > **ɲevə*-*cqet* 'женщина', **ɲevhe*-n 'женский; жена' (ср. чук. *уэвысқэт*, кор. *уавычун*, алют. *уавысуын* 'женщина') и ПЧК **qɭlav*-*ɣɭ* 'муж; вождь' (ср. чук. *к'лявыл* 'мужчина', кор. *улавол* 'муж', алют. *уылавул* 'муж') [Мудрак 2000: 101–102, 118, 251; Скорик 1961: 341]. В чукотском в структуре производного существительного *ынпыначгын* 'старик'

вычленяется суффиксальная морфема *-нычгын* ~ *-нчычгын*, обозначающая носителя признака, выраженного корнем *ынпы*. Очевидно, чукотское *ынпыначгын* имело план выражения, аналогичный сохранившимся в сложных словах корякского и алюторского, но подвергшийся модификациям по причине упрощения морфологической структуры или развития иной деривационной стратегии (суффиксация) с последующей фонетической редукцией составных элементов (интервокальных согласных). Также сравнительный анализ позволил выделить оппозиции в чукотском *ы'вэжуч* 'муж' vs *улявыл* 'мужчина' и в корякском / алюторском *г'оля/г'уля* 'мужчина' vs *улавол* / *уылавул* 'муж' [ЧРС 1957: 149; РЧС 2020: 148, 269; РКС 1967: 230; КРС 1960: 28; НРСАД 2019: 34–35]. Подобное распределение отражает процесс семантической специализации родственных слов и соответственно развитие отдельных систем терминов родства, где чук. *ы'вэжуч* либо является лексической инновацией (не имеющей когнатов в других камчукотских языках), либо заимствованием, отражая пережитки взаимных юкаги-ро-чукотских брачных практик увода и переезда невесты в дом жениха (ср. тю. *йауул* 'след; дорога; путь; стезя'). Также камчукотские корни, маркирующие пол, образуют термины со значением 'супруг/а': чук. *н'эвээн* ~ *уэвээн*, кор. *уэвытқэт*, алют. *уавг'ан* ~ *уавъан* 'жена'; кор. *улавол* ~ *уылавол* 'муж', алют. *уылавул* 'муж', за исключением чукотского, где *к'лявыл* устарело в значении 'муж', но сохранило сему 'мужская особь' (ср. *к'лей* (обращение к мужчине), *улявылен* 'мужний; мужеподобный', *к'лыттыын* 'кобель, самец', *к'легрыэчвак* 'годовалый олень-самец', *к'легрыркы* 'морж (самец)' и др.) [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 269]. Соответственно глагольные дериваты также восходят к гендерным корням: чук. *уавтыуык* 'жениться', *к'ликэтык* 'выходить замуж', *рыуавтыуатык* 'женить' [ЧРС 1957: 64–65; РЧС 2020: 149], кор. *уав'тыңык* 'жениться, быть женатым', *улавола экмитык* 'выйти замуж', *йыңав'тыңатык* 'женить' [КРС 1960: 81, 145; РКС 1967: 72, 120], алют. *уавтыуык* 'жениться', *уыликатык* 'выйти замуж', *уавтыуатык* 'женить' [НРСАД 2019: 35].

дед; дряхлая бабушка'; *anánqıgı|n[-m]* 'неродной дедушка; неродная бабушка'; *anánıxı|q[-m]* ласк. 'дедушка; бабушка'; *anánqıgı|q[-m]* 'прадед'; ср. *aná[m]* 'дед, дедушка, бабушка' (< *ара) [ЭРС 1971: 90, 91; Мудрак 2011: 138]. Эскимосские соответствующие лексемы с *aná[m]* 'дед, дедушка, бабушка (вокативы, используемые детьми)' восходят к пракорню *ара (< *ärä ~ *ара) 'дедушка, отец', что соответствует прачукотско-камчатскому (прасибирскому) *'аррă- 'дедушка, старший родственник' (чук. *'еррë 'дедушка, старший родственник'), которое в свою очередь связывается с ПУ *арре ~ *іррі 'отец супруга' и далее с гипотетическим праурало-сибирским *ар(р) а ~ *ір(р)і 'дед' [Мудрак 2000: 30; Мудрак 2011: 138; Fortescue 1998: 144, 152]. По мнению М. Фортезкью, данный термин родства и значительная часть других обнаруживают общность среди сибирских народов, в том числе юкагиров и эвенов [Fortescue 1998: 164–165]. В этой связи имеется параллель с юкагирской реконструкцией *ере: / *ерее, рефлексам которой сегодня выступают тю. *эпиэ* 'бабушка (старшая единоутробная, двоюродная или троюродная сестра отца)' и лю. *эпиэ* ~ *эпо* 'бабушка; медведица (иносказательно)' [ЮРС 2001: 604; Спиридонов 2003: 13; ЮРСЯЛЮ 2021: 406; Nikolaeva 2006: 162; ЭБДЮЯ 2002]. Расхождение же в плане содержания (гендерность) может объясняться независимым характером параллельного развития корней в языках или возможным субстратным влиянием.

В юкагирском понятия 'старик' и 'старый' передаются совершенно иными корнями, качественно разнящимися с *ананалаа*. Так, лексема, обозначающая 'старик', имеет в своей структуре корень *нэл* ~ *пол*:

– тю. *pelur* + 'жених'; TD *pelur-keine*, *pelur* > *polurde-*, *polurdiece-* 'to get married (of a woman)' (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; *пэлудиз* 'старичок'; *пэлут* 'старик, муж' [Иохельсон 2005: 464]; *peldudie* 'старик'; *pelut* 'старик; муж'; *pelur* (= *polut*) 'муж' > *pelurñe-* 'быть женатым' [Angere 1957: 207]; *пэлур* 'муж'; *пэлдудиз* 'старик' [Крейнович 1958: 277; Крейнович 1982: 11]; *пэлдудиз* 'старик; муж' > *пэлдудизньэ-* 'иметь мужа', *пэлдудизчи-* 'гоняться за мужчинами, же-

лая'; *пэлур* 'жених; муж' [ЮРС 2001: 410]; *peldudie* 'старик; муж' [Maslova 2001: 104];

– лю. *полундэ*, *полуд*, *пал-* 'старец' [Старчевский 1889: 435]; *полундиэ* 'старичок'; *пóлут* 'старик, муж; старейшина' > *полут-тэ-* 'выходить замуж, жениться' [Иохельсон 2005: 173, 463, 488]; *polundie* 'старичок'; *polut* (= *polud*) 'муж; старик' > *polutne-* (= *poludñe-*) 'быть женатым; выходить замуж (о женщине)', *polutte-* (< ? *poludñe-*) 'выходить замуж (о женщине)' [Angere 1957: 207, 211–212]; К *pulut* 'old man, husband; bear' > *pulunde*: 'old man'; KD *polut*; RS *polud-*; МО *-pullun* [rect. *-pullut*], *-pullup*; В *pallad*, *polud* (< *pel-) [Nikolaeva 2006: 346]; *полут* 'старик'; *полундиэ* 'старичок' [Крейнович 1958: 283; Крейнович 1982: 11]; *pulut* 'муж, старик, мужчина' [Спиридонов 2003: 26]; *пулундиэ* 'старичок'; *пулут* 'старик; муж' > *пулутньэ-* 'быть замужней, быть замужем', *пулуттэ-* 'выйти замуж; выдать замуж' [ЮРСЯЛЮ 2021: 64, 125, 175, 256].

С морфоструктурной точки зрения тю. *пэлдудиз* и лю. *пулундиэ* ~ *полундиэ* представляют собой лексикализированный диминутив, где *-диэ* деривационный аффикс, передающий в юкагирском языке субъектно-оценочные признаки малого размера или ослабленного признака основы, выраженной существительным, которым для тундрового юкагирского является *пэлут* и для лесного — *полут* ~ *пулут* (в тундровом варианте метатеза *ут* > *ду* с озвончением конечного слога корневой морфемы). Таким образом, имеем дело с диалектным когнатом, восходящим к реконструируемому пракорню *pel ~ *re^wluð, связываемый с уральским *pälä 'половина, половинка; сторона' [Nikolaeva 2006: 346; ЭБДЮЯ 2002]. Ср. фин. *pieli* (род. *pielen*): *suupieli* 'угол рта' (*suu* 'рот'), *poskipieli* 'скула' (*poski* 'щека'), *pielos*, *pielus* 'край', *pieltää* 'наклоняться в сторону' | саам. норв. *bälle -äel-* ~ *bällë - äel-* ~ *-äel-* 'сторона; половина (чего-л., разделенного вдоль; одна из пары)' | морд. эрз. *pel'* 'сторона', *pel'e* 'половина, половинка' | чуваш. урж. *pel*, *wel* 'сторона' | удм. сарап. *pal* 'сторона, местность, сторона света; отрезок времени; половина, половинка; один из двух парных предметов (например, глаз, ног, сапог)' | коми. сысол. *pel'* 'сторона; один из пары' |

хант. вах. *peļək* ‘половина, сторона’ | манс. тавд. *pāl* ‘половина; сторона’ | венг. *fél* (вин. *felet*) ‘половина, половинка, один из парных членов; ближний, сосед, спутник; сторона’, *feleség* ‘супруга’ || энец. тундр. *feðe*; нган. *fealea* ‘половина, родственник’; сельк. тым. *päläk* ‘половина, сторона’ [Rédei 1988: 362]. С данной позицией соглашается А. Аикио, считающий, что заимствованный характер (из самодийского) юкагирского слова подтверждается значением ‘муж’ (< ‘супруг’) в юкагирском, которое в свою очередь является вторичным семантическим развитием от значения ‘половина’. Также отмечает вероятное развитие *e > *ö > u (сначала лабиализация под влиянием *p-, а затем ассимиляция к *u во втором слоге) [Aikio 2014: 54, 73]. Собственно, в юкагирском от данного корня, предполагающего родственника мужского пола, выводится термин, охватывающий несколько родственных связей между братьями и сестрами супругов:

– тю. *пул’иэ*, *пул’ијэ* ‘зять (муж старшей сестры)’ [Иохельсон 2005: 123; Крейнович 1958: 277]; *пулийэ* ‘муж старшей сестры; муж младшей сестры отца’ [Иохельсон 2005: 124; ЮРС 2001: 397]; *пулије* ‘зять’ [Maslova 2001: 104];

– лю. *pulei* ‘муж старшей сестры (шурин); муж старшей двоюродной сестры первой, второй и т. д. степени (двоюродный шурин); младший брат жены (шурин); младший брат мужа (деверь)’ [Angere 1957: 219]; *pulej* ‘зять’ [Maslova 2003: 552]; *пулэй* ‘зять’ [Иохельсон 2005: 124; СЮРПЮ 2002: 64, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 257].

При этом в лесном юкагирском *пулут* демонстрирует более высокую активность в образовании других терминов родства, таких, как:

– лю. *пулут можжу* ‘жених’, где *можжу*, по всей вероятности, показатель проспектива *можиш*, указывающий на будущее действие или состояние, связанное с текущими условиями или ситуацией [Крейнович 1958: 67; Maslova 2003: 175], ср. лю. *эмэй можжу* ‘мачеха’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + PRSP *можжу*);

– лю. *пулут эмэйги* ‘свекровь’ (где *эмэй* ‘мать, мама’ + POSS.3 *-gi*);

– лю. *пулут эсьиэги* ~ *пулут эсиэги* ‘свекор’ (где *эсьиэ* ~ *эсиэ* ‘отец’ POSS.3 *-gi*)

[СЮРПЮ 2002: 64, 120; ЮРСЯЛЮ 2021: 256–257, 404].

С юкагирским *пэл* ~ *пол* сводится чук. *пэлк’этык* ‘стариться; умирать’, *пэлээтык* ‘умереть’, имеющий отношение к физиологическим процессам человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653; Fortescue 1998: 149]. Однако дериваты-глаголы в юкагирском имеют иное происхождение.

– тю. *лүгои* ‘старый’, *лүгүму* ‘расти, стареть’ [Иохельсон 2005: 457, 488]; *лугујэ* ‘старый’ [Крейнович 1958: 274]; *лугэ- intr* ‘быть старше’ > *лугуму-* ‘постареть; перен. прожить до старости в какой-л. местности’, *лугумул* ‘старение, старость’, *лугуйэ* ‘старый’, *лугумус-* ‘состарить’ [ЮРС 2001: 214]; *луги* ‘старый’ > *лугити-* [Maslova 2001: 100];

– лю. *лигай* ‘старый’, *логдуй* ‘увядший’ [Старчевский 1889: 425–426]; *лигэи* ‘старый’, *лигому* ‘стареть’, *лигэл* ‘старость’ [Иохельсон 2005: 456, 488]; *lorqajla* ‘одряхлеть’ [Спиридонов 2003: 19]; *лигэјэ* ‘старый’, *лигэл* ‘старость; старый’, *лигому-* ‘становиться старым’ > *лугумул* ‘стареть; становиться старым’ [Крейнович 1958: 274, 282]; *лигэ-муй* ‘стареть, стариться (о человеке)’, *лигэй* ‘старый’, *лигэйоой-* ‘пожилой’ [СЮРПЮ 2002: 37, 175]; *лигэй* ‘быть старым’ > *лигумуй* ‘постареть’ [Maslova 2003: 548]; *лигэ-* ‘быть старым (о возрасте)’ > *лигэйуо-* ‘быть пожилым, старым’, *лигэйуон* ‘пожилой человек, старик’, *лигэлбэн* ‘пожилой человек, старик’, *лигэму-* ‘постареть’, *лигэмул* ‘старость’, *лигэмуш-* ‘состарить’ [ЮРСЯЛЮ 2021: 144–145].

Этимологические связи для данного корня, имеющего реконструкции *liye- / *luye- ~ *li’gə- ‘старый’ [Nikolaeva 2006: 242; ЭБДЮЯ 2002], пока еще не предложены. Стоит отметить, что в юкагирском, как и в ряде других палеоазиатских языков, существует четкое противопоставление корней со значением ‘стариться’ по признаку одушевленности и неодушевленности, сравните:

– тю. *лугуму-* ~ *лигэму-* ‘стареть (о человеке)’ (см. выше); тю. *чуольээй-* ‘одряхлеть, обветшать в короткий срок; зачерстветь, залежать (о продуктах)’ [ЮРС 2001: 569]; лю. *чуольэ-* ~ *чуольэ-* ‘старый: долго используемый; старинный, древний; устаревший,

недействительный' > *чуольэму*- 'постареть', *чуольоой*- 'давний; древний', *чэлукиэй*- 'стареть (о вещи)' (1 и 2 л. не употр.) [СЮРРЮ 2002: 82–83, 175; ЮРСЯЛЮ 2021: 354];

– чук. *ынпэвык*, *эппэвчычек*, *ынпын нэ-лык* '(по)стареть, состариться (о человеке)'; *пэтакык*, *пэтан нэлык* 'стареть, стариться (о вещи)', *пэтылыын* 'старый, ветхий'; *пэлк'этык* 'стариться; умирать', *пэлэтык* 'умереть' [ЧРС 1957: 104, 148; РЧС 2020: 600, 653];

– кор. *ынпэвык* ~ *ынпавык*, *ынпытвик* 'стареть, стариться (о человеке)'; *пэлк'этык* 'стареть (о вещи)' [КРС 1960: 104; РКС 1967: 556].

В отличие от корякского у чукотского глагола *пэлк'этык* 'стариться; умирать' не задано специализированное значение, связанное с устареванием, износом неодушевленных предметов, но также затрагивающее сферу старения человека [ЧРС 1957: 105; РЧС 2020: 653]. Это, видимо, и было одной из причин, почему М. Фортескую при составлении списка камчукотско-уральских когнатов связал чук. *pəlqət*- 'стареть' и юк. *pəl-ut* '(старый) человек' [Fortescue 1998: 149]. В этом случае следует этимологически разводить лексемы юк. *пэлдудиз* ~ *пулундиз* 'старик' и юк. *пэлур* ~ *пулут* 'жених; старик; муж', где первая рефлекс чукотского **pəlqet*- 'стариться (обычно о вещи)', а вторая — рефлекс прауральского **pälä*. Это также объясняет отсутствие значения 'супруг' в лесном юкагирском.

Таким образом, слова, обозначающие пожилых людей разного пола и процесс старения, по сути, имеют различное происхождение. Если лексема тю. *апаналаа* имеет своим первоисточником ЧК *ынны* (< *эпрэ 'старый') с метатезой согласных *пн* и эпентезой гласной, то предположительно первичной заимствованной формой было что-то, похожее на алют. *ынпылла* 'бабушка' (ср. также *ынпыллыгын* 'дедушка'), которым в юкагирском семантически соответствуют тю.-лю. *эпиэ* 'бабушка', тю. *хайчиэ*, лю. *хаахаа* 'дедушка' [Иохельсон 2005: 120; Мудрак 2000: 163; НРСАД 2019: 127]. При переходе в систему юкагирского языка *апаналаа* сохранило возрастную привязку, обозначая пожилых женщин, находящихся

в определенных родственных отношениях с кем-либо. Как следствие, семантика тю. *апаналаа* включает две семы, где ядерной является 'пожилая женщина', а вторичной — 'замужняя женщина' через импликацию социального статуса, что имеет распространение во многих других языках. Собственно термином свойства, обозначающим жену (супругу) в тундровом юкагирском, выступает *мирийэ* 'жена', сводимое с эвенским языком [Nikolaeva 2006: 282]. Е. А. Крейнович в своих ранних работах рассматривал данную лексему в контексте юкагирско-самодийских и юкагирско-эвенских параллелей [Крейнович 1958: 236, 249, 274]. Однако в последующих исследованиях при рассмотрении словообразовательных особенностей юкагирских существительных ученый отнес *мирийэн* 'караван нарт с оленями' к классу субстантивированных причастий, выделив в ее структуре корень *мира-* 'ходить; шагать' и аффикс *-йэ*, между которыми «появляется морфема *и*» [Крейнович 1982: 90]. Отметим, что интерпретация форманта *и* как самостоятельной морфемы представляется спорной — в нашем понимании данный элемент скорее функционирует как алломорф конечного звука корня под влиянием следующего за ним аффикса (ср. *вай-аба-* 'течь' > *вайабиэйэ* 'течение', *игэ-* 'быть привязанным' > *игийэ* 'ремень, веревка' и др.) (см. другие примеры в: [Курилов 2003: 117]). В то же время метонимический перенос 'движение' > 'аргиш' > 'жена' отражает глубинные социоструктурные закономерности юкагирского общества, характеризующегося элементами особого социального статуса женщины в хозяйственно-бытовой организации. В итоге перед нами развертывается антропоцентрическая номинативная модель, где значимая деятельность (кочевание) становится основой для обозначения ее ключевого субъекта (жена) через материальный атрибут (аргиш) (см. этнографические справки в: [Иохельсон 2005: 136–150; Туголуков 1979: 118–122]).

Производные формы *мирийэи-* 'женить' и *мирийэр-* 'жениться', приводимые В. И. Иохельсоном в словарной части монографии «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Jochelson 1926; Иохельсон

2005] ошибочно не маркированы соответствующей пометой, указывающей на их принадлежность лесной идиоме. Позднее без проверки они были отражены под пометой лесной идиомы в «Юкагирско-немецком словаре» Й. Ангере [Angere 1957: 159]. При этом тундровому *мирийэ* соответствует лю. *мидосьо* ‘кочевой караван’, для которых И. А. Николаева [Nikolaeva 2006: 282] реконструирует праюкагирский корень **мудо-* (ср. **mi^wdi^{jə}-*, **me^wdiu-* ‘жена, жених, невеста, мачеха’ в [ЭБДЮЯ 2002], что подтверждается параллелями тю. *мира-* ‘ходить; шагать’ ~ лю. *мидо-* ‘кочевать (на большие расстояния); бродить’, тю. *мирал* ‘хождение; походка; след, караванная тропа’ ~ лю. *мидол* ‘расстояние, равное одному переходу с места на место при кочевке; дневной переход, миля’) [Иохельсон 2005: 457; Крейнович 1958: 18, 274; ЮРСЮЛЮ 2021: 163–164; Nikolaeva 2006: 282]. Отсутствие развития семы ‘жена’ отмечается у лю. *мидосьо* в отличие от тю. *мирийэ*, лексема свидетельствует о несколько отличных хозяйственно-культурных моделях этих двух юкагирских групп. Более интенсивный кочевой образ жизни тундровых юкагиров способствовал выработке в хозяйственной лексике метонимической связи ‘движение’ > ‘аргш’ > ‘жена’, в то время как полуоседлый образ жизни лесных собратьев сохранил утилитарную семантику без антропоцентрических значений.

Можно предположить об аналогичном семантическом развитии у лексем *апаналаа* и *пэлдудиз*, при котором возрастная семантика (старуха, старик) сохранилась, но дополнилась узкоспециализированным значением в контексте супружеских отношений (жена, муж) через метафоризацию, основанную на связи возрастной мудрости и социальной роли (женщина как хранительница очага, мужчина как добытчик и защитник). С другой стороны, полисемантность *апаналаа* также может быть интерпретирована в рамках компонентного анализа, если в структуре лексемы усматривается корень *эпиэ* ‘бабушка’, который встречается в обоих юкагирских идиомах (см. выше) и содержит семы ‘старость’

и ‘родственная принадлежность’. В таком случае требуется определение статуса остальных компонентов слова, что, однако, затруднено отсутствием подтвержденных случаев с звуковыми соответствиями и трансформациями.

4. Заключение

Рассматриваемая в данном исследовании лексика, входящая в базовый список идиом тундровых и лесных юкагиров, демонстрирует гетерогенность происхождения, следствия раннего и позднего иноязычного влияния, а также разную степень сохранности исконной лексики. Находившаяся ранее вне этимологических рассуждений лексема тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ обнаруживает надежную параллель в камчукотских языках (ПЮ **apanala*: ~ **apanalaa* < ПКЧ **эпрэ* ‘старый’). Наравне с лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ (< рус. старуха), тю. *апаналаа*, вероятно, представляет собой результат позднего заимствования с последующей релексификацией, приведшей к выходу из употребления в данных значениях исконных слов.

Корень *пэл* ~ *пул* (< ПЮ **pel* ~ **pe^wluδ*) не совсем верно рассматривать в качестве диалектного когната, поскольку есть основания для этимологического разграничения лексемы юк. *пэлдудиз* ~ *пулундиэ* ‘старик’, вероятно, восходящей к ПЧК **pelqet-* ‘стариться’, и лексемы юк. *пэлур* ~ *пулут* ‘жених; муж; старик’, считающейся рефлексом ПУ **pälä* ‘половина, половинка; сторона’, что также объясняет отсутствие семантики ‘супруг’ в идиоме лесных юкагиров.

В отличие от камчукотских и многих других языков в юкагирском нет слов, обозначающих ‘старуха как пожилая женщина’ и ‘старик как пожилой мужчина’, которые были бы производны от общей корневой морфемы, маркирующей возраст или гендер, таких, как *лугэ-* ~ *лигэ-* ‘быть старым’, *кэй-* ~ *куой* ‘мужчина’, *паай* ~ *паайнэ* ‘женщина’. На почве юкагирского языка *апаналаа*, а также *пэлдудиз* развили вторичные значения ‘жена’ и ‘муж’ соответственно в результате семантического сдвига, обусловленного связью между возрастным статусом и социальной ролью в традици-

онном обществе. Аналогичное расширение значения наблюдается в лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’, а также тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’ (связь через хозяйственную деятельность), что свидетельствует о системном характере этого явления в юкагирской языковой картине мира. Анализируемые в данной статье лексические единицы на основании существующих реконструкций с учетом выводов других исследователей можно стратифицировать на:

(1) вероятные юкагино-уральские этимологические соответствия (тю. *пэлур* ‘жен; муж’, лю. *пулут* ‘старик; муж’ < ПЮ **pel* ~ **re*^w*luδ* < ПУ **pälä* ‘половина, половинка; сторона’; тю. *кэйпэ* ‘мужчина; мужская особь’, лю. *куйпэ* ~ *куойпэ* ‘мужчина; мужская особь’ < ПЮ **köj* ~ **ke*^w*i-ŋ* ‘мужчи-

на, мужская особь’ < ПС **ko(ə)* < ПУ **koj(e)* ‘человек, мужчина’);

(2) поздние камчатские заимствования (тю. *апаналаа* ‘старуха; жена’ < ЧК *ынны* ‘старый’ < ПЧК **эпрэ* ‘старый’; тю. *пэлдудиз* ‘старик; муж’, лю. *полундиз* ‘старик’ < ЧК *пэлэ* ‘стариться’ < ПЧК **pelqet* ‘стариться (обычно о вещи)’; лю. *тэрикэ* ‘старуха; жена’ < рус. старуха);

(3) изолированные, внутренне реконструируемые лексемы (тю. *лугэ*-, лю. *лигэ*- ‘быть старым’ < ПЮ **liye*-/ **luye*- ~ **li*^w*гэ*- ‘старый’; тю. *паайпэ* ~ *пайпэ* ‘женщина; женская особь’, лю. *паай* ~ *паайпэ* ‘женщина’ < ПЮ **ра*: / **raj* ~ **rai* ‘женщина, женская особь’; тю. *мирийэ* ‘аргиш; жена’, лю. *мидосьо* ‘кочевой караван’ < ПЮ **мудо*- / **mi*^w*δijə*- ~ **me*^w*δiu*- ‘шагать’).

Сокращения

алют. — алюторский
венг. — венгерский
вин. — винительный
вок. — вокатив
ител. — ительменский
коми. сысол. — сысольские диалекты коми
кор. — корякский
ласк. — ласкательный
лю. — лесной юкагирский
манс. тавд. — тавдинский диалект мансийского
морд. эрз. — эрзянский диалект мордовского
ПС — прасамодийский
ПУ — прауральский
ПЧ — прачукотский
ПЧК — прачукотско-камчатский
ПЭ — праэскимосский
ПЮ — праюкагирский
род. — родительный
рус. — русский
саам. норв. — саамский норвежский
сельк. — селькупский
таймыр. — таймырский пиджин
тым. — тымский диалект селькупского языка
тю. — тундровый юкагирский
удм. сарап. — сарапульский диалект удмуртского
фин. — финский
хант. вах. — ваховский диалект хантыйского
ЧК — чукотско-камчатский
чуваш. урж. — уржумский диалект чувашского

чук. — чукотский

энец. тундр. — тундровый диалект энецкого
эск. — эскимосский (сибирский)

юк. — юкагирский

В — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные в 1787 г. во время Северо-Западной экспедиции И. И. Биллингса и опубликованные в труде М. Зауэра 1802 г. [Nikolaeva 2006]

KD — словарь на языке лесных юкагинов, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

МС — материалы по чуванскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

МО — материалы по омокскому языку, записанные Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй в 1821 г. и опубликованные в дневниках Ф. П. Врангеля 1841 г. [Nikolaeva 2006]

POSS — посессивный

PRSP — перспективный

RS — материалы по колымскому (лесному) юкагирскому языку, записанные Ф. Райским и Ю. Штубендорфом в 1858 г. и опубликованные в труде А. А. Шифнера 1871 г. [Nikolaeva 2006]

TD — неопубликованный словарь на языке тундровых юкагинов, хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и частично опубликованный в труде В. И. Иохельсона 1926 г. [Nikolaeva 2006]

Источники

ЭБДЮЯ 2002 — Этимологическая база данных юкагирского языка (в формате jukaet.dbf) / О. А. Мудрак // Личный архив автора. 2002.

Литература

- Акимова и др. 2021 — *Акимова В. С., Немировский А. А., Шадрин В. И.* Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.). Ч. 1. М.: Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 144 с.
- Байтасов 2014 — *Байтасов Р. Р.* Корреляция языковых семей и Y-гаплогрупп // Проблемы современной науки и образования. Научно-методический журнал. 2014. № 1(19). С. 24–32.
- Бурыкин 2003 — *Бурыкин А. А.* Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2003. С. 169–180.
- Гоголев 2004 — *Гоголев А. И.* Этническая история народов Якутии (до начала XX в.). Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2004. 104 с.
- Гребенюк, Федорченко 2018 — *Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю.* Юкагирская проблема в современных исследованиях // Человек и Север: антропология, археология, экология / ред. А. Н. Багашев. Матлы конф. (г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Т. 4. Тюмень: Тюменский научный центр (ТНЦ), 2018. С. 331–334.
- Гурвич 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
- Жукова 1996 — *Жукова Л. Н.* Одежда юкагиров. Якутск: Якутский край, 1996. 143 с.
- Жукова 2003 — *Жукова Л. Н.* Иноязычные элементы в одежде юкагиров // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII–XXI веках. Якутск: РНМЦ НТ и СКД им. А. Е. Кулаковского, 2003. С. 90–96.
- Иохельсон 1900 — *Иохельсон В. И.* Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 151–193.

Sources

Mudrak O. A. (comp.) Yukaghir etymology (database, DBF file). Personal archive of the author. 2002. (In Russ., Eng. and Yuk.)

References

- Akimova V. S., Nemirovsky A. A., Shadrin V. I. Ethnic History of the Yukaghir: From Earliest Times to the Twentieth Century. Pt. 1. Moscow, Berlin: Directmedia Publishing, 2021. 144 p. (In Russ.)
- Baitasov R. R. Correlation between language families and Y-haplogroups. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. Nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 2014. No. 1(19). Pp. 24–32. (In Russ.)
- Burykin A. A. Russian lexical borrowings in Forest (or Upper Kolyma) Yukaghir. In: Popov I. A. (ed.) *Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Studies*. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 169–180. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Ethnic History of Yakutia's Peoples before the Twentieth Century. Yakutsk: Yakutsk State University, 2004. 104 p. (In Russ.)
- Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu. Yukaghir problem in modern research. In: Bagashev A. N. (ed.) *Man and North: Anthropology, Archaeology, Ecology. Conference proceedings (Tyumen, 2–6 April 2018)*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre (SB RAS), 2018. Vol. 4. Pp. 331–334. (In Russ.)
- Gurvich I. S. *Ethnic History of Northeast Siberia*. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Yukaghir Clothing. Yakutsk: Yakutskiy Krai, 1996. 143 p. (In Russ.)
- Zhukova L. N. Foreign-language elements of Yukaghir clothing. In: *Interaction of Yakutia's Cultures, Seventeenth to Twenty First Centuries*. Yakutsk: Kulakovsky Arts and Crafts Center, 2003. Pp. 90–96. (In Russ.)
- Jochelson V. I. Roaming tundra clans of the Indigirka-Kolyma interfluvium, their ethnic composition, language, household life, wedding and other rites. *Zhivaya starina*. 1900. No. 1–2. Pp. 151–193. (In Russ.)

- Иохельсон 2005 — *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Кирьяк 1993 — *Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Крейнович 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л.: АН СССР, 1958. 288 с.
- Крейнович 1982 — *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- КРС 1960 — *Молл Т. А.* Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 239 с.
- Курилов 2003 — *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Курилова 2014 — *Курилова С. Н.* Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12(42). Ч. 2. С. 101–105.
- Курилова 2022 — *Курилова С. Н.* Русская лексика в языке тундровых юкагиrow. Новосибирск: Наука, 2022. 256 с.
- Михайлова 2018 — *Михайлова Л. П.* Системный характер воздействия иноструктурных языков на русское слово // Северорусские говоры. 2018. № 17. С. 46–58.
- Мочанов, Федосеева 1980 — *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: ЯФ СО РАН, 1980. С. 3–13.
- Мудрак 2000 — *Мудрак О. А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М.: РГГУ, 2000. С. 133–148.
- Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Эскимосский этимологикон. М.: Тезаурус, 2011. 1324 с.
- Jochelson V. I. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ.)
- Kiryak M. A. Archaeology of Western Chukotka: A Perspective from the Yukaghir Question. Moscow: Nauka, 1993. 224 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghir Language. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 288 p. (In Russ.)
- Kreynovich E. A. Yukaghir Language: Studies and Materials. Leningrad: Nauka, 1982. 304 p. (In Russ.)
- Moll T. A. Koryak-Russian Dictionary. Leningrad: Uchpedgiz, 1960. 239 p. (In Kor. and Russ.)
- Kurilov G. N. Lexicology of Modern Yukaghir: Lexical Development and Impacts of Yakut. Novosibirsk: Nauka, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Thematic groups of Tunguska lexical borrowings in the North Yukaghir language. *Philology. Theory & Practice*. 2014. No. 12 (42). Pt. 2. Pp. 101–105. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Russian Loanwords in Tundra Yukaghir. Novosibirsk: Nauka, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Mikhaylova L. P. System character of impact of foreign languages on the Russian word. *Northern Russian Dialects*. 2018. No. 17. Pp. 46–58. (In Russ.)
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S. A. Archaeological research of Yakutia: Key results. In: Yakutia Rediscovered. Proceedings of the Lena Basin Archaeological Expedition. Yakutsk: SB RAS (Yakutsk Dept.), 1980. Pp. 3–13. (In Russ.)
- Mudrak O. A. Yukaghirs and Nivkhs: The Paleo-Siberian question. In: Starostin S. A., Starostin G. S. (comps.) Problems in Investigating Distant Affinities of Languages at the Turn of the Second Millennium. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. Pp. 133–148. (In Russ.)
- Mudrak O. A. The Eskimo Etymologicum. Moscow: Thesaurus, 2011. 1324 p. (In Esk., Russ., etc.)

- Напольских 1991 — *Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». № 5. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, 1991. 189 с.
- Напольских 1999 — *Напольских В. В.* Предыстория уральских народов. // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. № 44 (3–4). С. 413–472.
- Напольских 2018 — *Напольских В. В.* К проблемам исследования древнейшей предистории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // *Этнография*. 2018. № 1. С. 119–142.
- Немировский 2017 — *Немировский А. А.* Новые лингвистические результаты М. А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров // *Фольклор палеоазиатских народов: материалы 2-й Межд. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)*. Якутск: РИО медиахолдинга, 2017. С. 59–70.
- Николаева 1988 — *Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
- НРСАД 2017 — *Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И.* Нымыланско-русский словарь: алыторский диалект. Ч. 1. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2017. 144 с.
- НРСАД 2019 — *Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И.* Нымыланско-русский словарь: алыторский диалект. Ч. 2. Саппоро: Hakuyo Printing Co., Ltd., 2019. 139 с.
- Перцев 2024 — *Перцев Д. М.* Юкагиры: язык и генетика. Взгляд из-за рубежа // *Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*. 2024. № 46. С. 54–64.
- РКС 1967 — *Жукова А. Н.* Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 749 с.
- РЧС 2020 — *Ранаврольтын Г. И.* Русско-чукотский словарь. Анадырь, СПб.: Алмаз-Граф, 2020. 704 с.
- Napolskikh V. V. Most Ancient Stages of the Uralic Ethnogenesis: Evidence from Mythological Reconstructions. Insights into the Proto-Uralic Cosmogonic Myth (Peoples of the Soviet Union 5). Moscow: Institute of Social Science Information (USSR Acad. of Sc.), 1991. 189 p. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. Prehistory of Uralic peoples. *Acta Ethnographica Hungarica*. 1999. Vol. 44. No. 3–4. Pp. 413–472. (In Russ.)
- Napolskikh V. V. On the problem of studying the most ancient prehistory of Northern Eurasia (Nostratic macrofamily of languages). *Etnografia*. 2018. No. 1. Pp. 119–142. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-119-142
- Nemirovsky A. A. New linguistic results of M. Zhivlov and confirmation of Ymyyakhtakh connections for (proto)Yukaghirs. In: Alekseev A. N. et al. (eds.) *Folklore of Paleo-Siberians*. Conference proceedings (Yakutsk, 21–25 November 2016). Yakutsk: Yakutia Media Holding, 2017. Pp. 59–70. (In Russ.)
- Nikolaeva I. A. The Problem of Uralic-Yukaghir Genetic Affinities. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)
- Nagayama Y., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 1. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2017. 144 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian Dictionary: The Alyutor Dialect. Pt. 2. Sapporo: Hakuyo Printing Co., 2019. 139 p. (In Kor., Russ., etc.)
- Pertsev D. M. Yukaghirs: Language and genetics. A view from abroad. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2024. No. 46. Pp. 54–64. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-5960-2024-46-54-64
- Zhukova A. N. Russian-Koryak Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967. 749 p. (In Russ. and Kor.)
- Ranavroltyn G. I. Russian-Chukchi Dictionary. Anadyr, St. Petersburg: Almaz-Graf, 2020. 704 p. (In Russ. and Chuk.)

- Симченко 1975 — *Симченко Ю. Б.* Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 148–185.
- Симченко 1976 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.
- СИРРИ 1989 — *Володин А. П., Халоимова К. Н.* Словарь ительменско-русский и русско-ительменский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд., 1989. 255 с.
- Скорик 1961 — *Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. Фонетика и морфология именных частей речи. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1961. 450 с.
- Спиридонов 2003 — *Спиридонов Н. И.* Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск: Якутск. гос. ун-т, 2003. 57 с.
- Старчевский 1889 — *Старчевский А. В.* Проводник и переводчик по отдаленным окраинам России, заключающий в себе 44 языка... (По каждому языку от 1 000 по 2 000 и более слов, по 300 разговорных фраз и грамат. очерк). Т. 2. СПб.: [б. и.], 1889. 646 с.
- СЮРРЮ 2002 — *Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.
- Туголуков 1979 — *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
- Чернецов 1964 — *Чернецов В. Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 30–52.
- Чернецов 1971 — *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала / отв.ред. О. Н. Бадер. Ч. 2. М.: Наука, 1971. 120 с.
- ЧРС 1957 — *Молл Т. А., Иненликей П. И.* Чукотско-русский словарь. Л.: ГУПИ МП РСФСР ЛО, 1957. 195 с.
- ЧРС 2003 — *Рахтилин В. Г.* Чукотско-русский словарь. СПб.: Просвещение, 2003. 126 с.
- Шадрин 2008 — *Шадрин В. И.* Современные концепции этногенеза юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 197–205.
- Simchenko Yu .B. Ancient ethnic history of the Arctic Circle and adjacent regions of Eurasia: Some issues revisited. In: Ethnogenesis and Ethnic Histories of the North, Moscow, 1975. Pp. 148–185. (In Russ.)
- Simchenko Yu .B. The Culture of North Eurasian Deer Hunters. Moscow: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ.)
- Volodin A. P., Khaloimova K. N. Itelmen-Russian and Russian-Itelmen Dictionary. Leningrad: Prosveshchenie, 1989. 255 p. (In Itel. and Russ.)
- Skorik P. Ya. Chukchi Grammar: Phonetics and Morphology of Nominal Parts of Speech. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. 450 p. (In Russ.)
- Spiridonov N. I. Yukaghir-Russian Dictionary. Even-Russian Dictionary. Yakutsk: Yakutsk State University, 2003. 57 p. (In Yuk., Russ., etc.)
- Starchevsky A. V. The Guide and Translator to Remote Parts of Russia Containing [Data on] Forty Four Languages ... (From 1,000 to 2,000 Word Entries, 300 Set Phrases, and a Grammar Sketch for Each Language). Vol. 2. St. Petersburg: A. Pozharova, 1889. 646 p. (In Sámi, Russ., etc.)
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir Dictionary. St. Petersburg: Drofa, 2002. 224 p. (In Yuk. and Russ.)
- Tugolukov V. A. Who Are You, Yukaghirs? Moscow: Nauka, 1979. 152 p. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. More on the ethnic substrate in circumpolar culture. In: Proceedings of the Seventh International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, 1964. Pp. 30–52. (In Russ.)
- Chernetsov V. N. Petroglyphs of the Urals. O. Bader (ed.). Moscow, 1971. Pt. 2. 120 p. (In Russ.)
- Moll T. A., Inenlikey P. I. Chukchi-Russian Dictionary. Leningrad: Chief Printing and Publishing Directorate, 1957. 195 p. (In Russ.)
- Rakhtilin V. G. Chukchi-Russian Dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2003. 126 p. (In Chuk. and Russ.)
- Shadrin V. I. Contemporary concepts of Yukaghir ethnogenesis. In: North Asia in Ethnocultural Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005). Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 197–205. (In Russ.)

- Эверстов 2008 — *Эверстов С. И.* Некоторые параллели в культурах древних ымыяхтахцев и юкагиров XVII–XIX вв. (в свете археологических открытий на нижней Индигирке) // Север Азии в этнокультурных исследованиях: Мат-лы конф. (г. Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 223–230.
- Эверстов 2017 — *Эверстов С. И.* Сугуннахская археологическая культура на Индигирке (в связи с проблемой этногенеза юкагиров) // Общество. Культура. Образование. 2017. № 3. С. 133–159.
- ЭРС 1971 — *Рубцова Е. С.* Эскимосско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971. 644 с.
- Этногенез народов Севера 1980 — Этногенез народов Севера: сб. ст. / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 281 с.
- ЮРС 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- ЮРСЯЛЮ 2021 — *Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е.* Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Aikio 2014 — *Aikio A.* The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or change resemblance? // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76.
- Angere 1957 — *Angere J.* Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm, Almqvist & Wiksell, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p.
- Collinder 1965 — *Collinder B.* An introduction to the Uralic languages. Berkeley & Los Angeles: University of California Press Publ., 1965. 182 p.
- Fedorova et al. 2013 — *Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Rootsi S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsy M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villems R.* Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): implications for the peopling of Northeast Eurasia // *BMC Evolutionary Biology*. 2013. № 13. Pp. 2–18.
- Everstov S. I. On some parallels between Ymyyakhtakh culture and that of the seventeenth-nineteenth century Yukaghir: A perspective from archaeological discoveries in the Lower Indigirka. In: *North Asia in Ethnological Studies. Conference proceedings (Yakutsk, 15–16 August 2005)*. Novosibirsk: Nauka, 2008. Pp. 223–230. (In Russ.)
- Everstov S. I. Sugunnakh culture of the Indigirka Basin in relation to Yukaghir ethnogenesis. In: *Starostin V. P. (ed.) Society. Culture. Education. Vol. 3*. Moscow: Russian Academy of Natural History, 2017. Pp. 133–159. (In Russ.)
- Rubtsova E. S. Eskimo-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1971. 644 p. (In Esk. and Russ.)
- Gurvich I. S. (ed.) *Peoples of the North: Ethnogenesis*. Moscow: Nauka, 1980. 281 p. (In Russ.)
- Kurilov G. N. Yukaghir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (In Yuk. and Russ.)
- Prokopyeva P. E., Prokopyeva A. E. [Forest] Yukaghir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2021. 412 p. (In Yuk. and Russ.)
- Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: Genetic inheritance, language contact or change resemblance? *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. Pp. 7–76. (In Eng.)
- Angere J. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm: Almqvist & Wiksell; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957. 271 p. (In Yuk. and Germ.)
- Collinder B. An Introduction to the Uralic Languages. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1965. 182 p. (In Eng.)
- Fedorova S. A., Reidla M., Metspalu M., Rootsi S., Tambets K., Trofimova N., Zhadanov S. I., Kashani B. H., Olivieri A., Voevoda M. I., Osipova L. P., Platonov F. A., Tomsy M. I., Khusnutdinova E. K., Torroni A., Villems R. Autosomal and uniparental portraits of the native populations of Sakha (Yakutia): Implications for the peopling of Northeast Eurasia. *BMC Evolutionary Biology*. 2013. No. 13. Pp. 2–18. (In Eng.)

- Fortesque 1998 — *Fortesque M.* Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence. London; New York: Cassell, 1998. 307 p.
- Häkkinen 2012 — *Häkkinen J.* Early contacts between Uralic and Yukaghir // *Per Urales ad Orientem: Iter Polyphonicum Multilingue*. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264). 2012. Pp. 227–250.
- Jochelson 1926 — *Jochelson W. I.* The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 9. New York: G. E. Stechert, 1926. 469 p.
- Malyarchuk et al. 2011 — *Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I.* Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a // *Journal of Human Genetics*. 2011. Vol. 56. Pp. 583–588.
- Maslova 2001 — *Maslova E.* Yukaghir Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p.
- Maslova 2003 — *Maslova E.* A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 610 p.
- Nikolaeva 2006 — *Nikolaeva I. A.* A historical dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.
- Paasonen 1907 — *Paasonen H.* On the question of the original relationship between Finno-Ugric and Indo-European languages [Zur Frage von der Urverwandschaft der Finnisch-Ugrischen und Indoeuropäischen Sprachen] // *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907. № 17. Pp. 13–31.
- Piispanen 2018 — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir // *Turkic Languages*. 2018. № 22. Pp. 108–138.
- Rédei 1988 — *Rédei K.* History of the Permian languages [Geschichte der Permischen Sprachen] // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. 1988. Pp. 351–394.
- Fortesque M. Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archeological and Linguistic Evidence. London, New York: Cassell, 1998. 307 p. (In Eng.)
- Häkkinen J. Early contacts between Uralic and Yukaghir. In: *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen på Hans Sextioårsdag den 12 February 2012 (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264). Helsinki, 2012. Pp. 91–101. (In Eng.)
- Jochelson W. I. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus (Memoirs of the American Museum of Natural History 9). New York: G. Stechert, 1926. XVI, 469 p. (In Eng.)
- Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Maksimov A., Wozniak M., Grzybowski T., Dambueva I., Zakharov I. Ancient links between Siberians and Native Americans revealed by subtyping the Y chromosome haplogroup Q1a. *Journal of Human Genetics*. 2011. No. 56. Pp. 583–588. (In Eng.)
- Maslova E. Yukaghir Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. 200 p. (In Yuk. and Eng.)
- Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2003. 610 p. (In Eng.)
- Nikolaeva I. A. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 2006. 500 p. (In Eng. and Yuk.)
- Paasonen H. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. 1907. No. 17. Pp. 13–31. (In Germ.)
- Piispanen P. S. Additional Turkic and Tungusic borrowings into Yukaghir. *Turkic Languages*. 2018. No. 22. Pp. 108–138. (In Eng.)
- Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. In: Sinor D. (ed.) *The Uralic languages: Description, History, and Foreign Influences*. Leiden, New York: Brill, 1988. Pp. 351–394. (In Germ.)

Tailleur 1959 — *Tailleur O. G.* In defense of Yuk-aghir, the eastern branch of the Uralic family [Plaidoyer pour le Youkaghir, Branche Orientale de la Famille Ouralienne] // *Lingua*. 1959. № 6. Pp. 403–432.

Tailleur O. G. Plaidoyer pour le youkaghir, branche orientale de la famille ouralienne. *Lingua*. 1959. No. 6. Pp. 403–423. (In Fr.)

